

Годъ изд.

XXII.

РИЖСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ два
раза въ мѣсяць:
1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца.
Цѣна **пять** руб.
въ годъ съ пере-
сылкою.

№ 8.

15 апрѣля 1909 г.

ПОДПИСКА

принимается въ
редакціи: г. Рига,
Малая Замковая
ул. № 13, кв. 2.
Телеф. № 40-49.

Объявленія для печати принимаются за одну страницу — 4 рубля,
1/2 стран. — 3 р., 1/4 стран. — 2 р.

За перемѣну адреса взимается 30 коп.

Отдѣлъ оффиціальныи.

Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.

По указу Его Императорскаго Величества, Рижская Духовная Консисторія слушала: сданный Его Высокопреосвященствомъ циркулярный указъ Св. Синода, отъ 18 января 1909 г. за № 3, слѣдующаго содержания: по указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушала: представленное при рапортѣ Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго отъ 12 марта 1908 года № 2470 письмо Министра Финансовъ отъ 3 того же марта за № 4836 съ просьбою

о пересмотрѣ дѣла по вопросу объ участіи духовенства въ учрежденіяхъ мелкаго кредита. Приказали: Обсудивъ вновь дѣло по указанному вопросу и принимая во вниманіе, что хотя опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 13 апрѣля—23 мая 1907 года за № 2630, изъясненнымъ въ циркулярномъ указѣ отъ 30 мая того же года, и было воспрещено духовенству, по соображеніи съ церковными правилами, принимать участіе въ управленіи или завѣдываніи дѣлами ссудо-сберегательныхъ товариществъ на правахъ директоровъ или членовъ совѣта, но имѣя въ виду нынѣ изложенныя Министеромъ Финансовъ обстоятельства, во всей полнотѣ не бывшія ранѣе въ разсмотрѣніи Святѣйшаго Синода, о значеніи участія православнаго духовенства въ учрежденіяхъ мелкаго кредита, а также и о томъ, что учрежденія эти отличны отъ кредитныхъ учрежденій другихъ категорій, такъ какъ въ основу первыхъ положены не матеріальныя интересы, а главнымъ образомъ товарищескія начала, то есть начала взаимной отвѣтственности и довѣрія, которыя не могутъ существовать безъ укрѣпленія въ сознаніи участниковъ той мысли, что экономическіе интересы должны объединять людей между собою на почвѣ христіанскихъ взаимныхъ отношеній, Святѣйшій Синодъ признаетъ возможнымъ, въ отмѣну состоявшихся ранѣе опредѣленій отъ 13 апрѣля—23 мая 1907 года и 21/28 августа того же года, изложенныхъ въ циркулярныхъ указахъ его отъ 30 мая и 10 сентября 1907 г. за № 10 и 17, допустить духовенство къ участію въ мелкихъ кредитныхъ товариществахъ не только на правахъ пайщиковъ и попечителей, но и членовъ правленій и совѣтовъ. Вслѣдствіе чего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: о настоящемъ рѣшеніи своемъ предоставить Г. Сино-

дальному Оберъ-Прокурору сообщить Министру Финансовъ, а для объявленія во всеобщее свѣдѣніе послать циркулярные указы Синодальнымъ Конторамъ, епархіальнымъ Преосвященнымъ, Исполняющему обязанности Завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ и Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства. Приказали: настоящій указъ Святѣйшаго Синода напечатать для свѣдѣнія духовенства въ Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Уволенъ отъ службы по Рижскому епархіальному вѣдомству допущенный къ временному исполненію обязанностей псаломщика при Угаленской церкви Алексѣй Пеладъ 10 апрѣля.

Допущенъ къ временному исполненію обязанностей псаломщика при Лембургской церкви имѣющій званіе учителя народныхъ начальныхъ училищъ Николай Ромманъ 3 апрѣля

Перемѣщенъ и. д. псаломщика Мало-Іоанновской церкви Иванъ Лехмусъ къ Суйслепской церкви 6 апрѣля

Имѣются вакантныя мѣста: священника при Галлистской церкви, діакона при церквахъ: Пюхтицкой монастырской и Перновской Преображенской и псаломщика при церквахъ: Рижской Троице-Задвинской, Либавской желѣзнодорожной, Ревельскомъ соборѣ, Гапсальской, Рижской Іоанновской, Валкской Исидоровской, Валкской Николаевской, Геймадрской, Рижской Благовѣщенской, Угаленской и Мало-Іоанновской.

Отъ Совѣта Рижскаго Религіозно-просвѣтительнаго Общества.

Совѣтъ Рижскаго Религіозно-просвѣтительнаго Общества проситъ членовъ-дѣятелей общества озаботиться возвращеніемъ взятыхъ книгъ въ бібліотеку общества, въ виду необходимости приведенія ея въ порядокъ.

Въ Кангроскую церковь, Вейсенштейнскаго уѣзда, Эстляндской губерніи, отъ почетнаго гражданина Андрея Андреевича Шувалова (изъ С.-Петербурга) поступили слѣдующія пожертвованія вѣщами: 1) полное священническое облаченіе изъ серебряной парчи, стоимостью около 200 р.; 2) воздухи и покровецъ на дискосъ и чашу, также изъ серебряной парчи; 3) пара хоругвей, писанныхъ на сукнѣ, большихъ размѣровъ, съ древками; 4) кадило посеребренное; 5) пара брачныхъ вѣнцовъ; 6) массивное блюдо посеребренное для сбора пожертвованій; 7) кропило съ тяжелой металлическою посеребленною ручкою; 8) ковшикъ для теплоты вызолоченный; 9) копіе; 10) двѣ висячія посеребренныя лампы къ мѣстнымъ иконамъ; 11) коверъ предъ престолъ; 12) ковровая дорожка отъ престола на солею; 13) шелковый платъ для утиранія устъ; 14) 1 коробка цѣннаго ладана; 15) 8 фунтовъ мелкихъ восковыхъ свѣчей; 16) плащаница выносная, вышитая на бархатѣ золотянкой, пелена вокругъ изображенія Іисуса Христа вышита ковнымъ серебромъ, однотѣльная; 17) роскошная гробница, по бокамъ и концамъ которой среди вызолоченныхъ орнаментовъ и инкрустацій 12 изображеній страданій Христовыхъ, всѣ изображенія въ посеребренныхъ ризахъ; вся гробница до самаго пола покрыта стекляннмъ, въ дубовой рамѣ, футляромъ; гробница и футляръ на особой подвижной на колесахъ подставкѣ. Стоимость плащаницы съ гробомъ приблизительно

500 рублей; 18) къ плащаницѣ два большихъ посеребренныхъ подсвѣчника съ центральными металлическими и 4 большими восковыми боковыми свѣчами; 19) массивное золоченое паникадило (люстра) съ 12-ю къ нему большими восковыми свѣчами; 20) посеребряный напрестольный семисвѣчникъ со стаканчиками; 21) образъ Воскресенія Христова въ позлащенномъ кіотѣ; 22) выносной бронзовый фонарь для крестныхъ ходовъ; 23) всенощное блюдо для благословенныхъ хлѣбцовъ; 24) посеребряная пасхальница (трехсвѣчникъ). Стоимость всѣхъ пожертвованныхъ г. Шуваловымъ въ Кангроскую церковь вещей достигаетъ до 1300 рублей. За такое значительное пожертвованіе почетному гражданину А. А. Шувалову Его Высокопреосвященствомъ изъявлена Архипастырская благодарность, съ призываніемъ Божія благословенія.

Редакторъ, Секретарь Консistoriи П. Соколовъ.

Архіерейскія служенія.

26 Марта, въ Великій Четвергъ страстной седмицы Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Ага-ангелъ, Архіепископъ Рижскій и Митавскій, служилъ въ каѳедральномъ соборѣ утрению Великаго Пятка съ чтеніемъ Евангелія Страстей Господнихъ.

27 Марта, въ Великій Пятокъ, въ 2 часа дня, Его Высокопреосвященство служилъ въ каѳедральномъ соборѣ вечерню и совершилъ выносъ Плащаницы. Слово было произнесено у Плащаницы свящ. В. Щукинымъ.

28 Марта, въ Великую Субботу, въ 6 час. утра, Его Высокопреосвященство служилъ утрению въ каѳедральномъ соборѣ.

29 Марта, въ 12 час. ночи на св. Пасху, Его Высокопреосвященство въ кафедральномъ соборѣ служилъ пасхальную утреню и совершилъ Божественную литургію.

30 Марта, въ Свѣтлый Понедѣльникъ, Его Высокопреосвященство совершилъ Божественную литургію въ храмѣ муж. Алексѣевского монастыря.

4 Апрѣля, въ Свѣтлую Субботу, Его Высокопреосвященство совершилъ Божественную литургію въ Троице-Сергіевомъ женск. монастырѣ и раздавалъ св. артось.

5 Апрѣля, въ Омино Воскресенье, Его Высокопреосвященство совершилъ Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ и раздавалъ св. артось.

Отъ Правленія Рижскаго Духовнаго Училища.

1. Согласно опредѣленію Св. Синода отъ 24 апрѣля—15 мая 1908 года за № 2760 (Церковныя Вѣдомости 1908 г. № 22), съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Агаѳангела, приѣмныя испытанія для поступленія дѣтей въ 1 классъ училища на 1909/10 учебный годъ будутъ производиться въ два срока: съ 1 по 3 іюня и съ 22 по 27 августа 1909 года по слѣдующему росписанію:

а) 1 іюня письменныя испытанія по русскому языку для дѣтей духовенства;

2 іюня устныя испытанія для дѣтей духовенства и письменныя по русскому языку для дѣтей инословныхъ;

3 іюня устныя испытанія для дѣтей инословныхъ.

б) 22 августа письменныя и устныя испытанія для дѣтей русскаго происхожденія.

24 августа письменныя и устныя испытанія для дѣтей духовенства и письменныя для латышей.

25 августа устныя испытанія для дѣтей латышей и письменныя для эстовъ.

26 августа устные испытанія для эстовъ.

2. Приемъ въ училище выдержавшихъ испытанія до каникулъ будетъ производиться послѣ каникулъ по сравнительному достоинству полученныхъ экзаменовавшимися на тѣхъ и другихъ испытаніяхъ балловъ, безъ предоставленія державшимъ испытанія до каникулъ какихъ-либо преимуществъ.

3. Изъ невыдержавшихъ приемныя испытанія, передъ лѣтними каникулами ко вторичнымъ испытаніямъ будутъ допущены только тѣ, которые получили неудовлетворительныя баллы на первомъ испытаніи по одному или по двумъ, не болѣе, предметамъ.

4. Подвергшіеся вторичнымъ испытаніямъ будутъ приняты въ училище только въ томъ случаѣ, если останутся свободныя вакансіи послѣ приема успѣшно выдержавшихъ испытанія предъ лѣтними каникулами и послѣ оныхъ.

5. Допускаются къ экзамену дѣти, имѣющія не болѣе 12¹/₂ лѣтъ къ 15 августа.

6. Желаящіе опредѣлить своихъ дѣтей въ училище должны заблаговременно для испытаній предъ лѣтними каникулами не позже 25 мая, а послѣ оныхъ не позже 10 августа подать прошеніе на имя Правленія училища съ приложеніемъ метрической выписи о рожденіи и свидѣтельства о привитіи предохранительной оспы.

7. Плата вносится обязательно впередъ за обученіе (30 р. въ годъ) по полугодіямъ по 15 р., а за содержаніе въ училищномъ общежитіи (100 р. въ годъ) по четвертямъ по 25 р. При помѣщеніи дѣтей въ общежитіе родители или опекуны ихъ даютъ письменное обязательство въ исправности платежей и указываютъ въ городѣ лицо, къ которому Начальство училища могло бы препроводить ученика на случай неисправнаго поступленія платежей за содержаніе.

8. Родители дѣтей, зачисленныхъ на казенныя вакан-

сії и стипендіи, обязуются уплатить установленную дополнительную плату по полугодіямъ: съ казеннокоштныхъ воспитанниковъ 20 р. въ годъ, со стипендіатовъ 13 р. въ годъ; не имѣющіе же отцовъ—казеннокоштные платятъ 5 р., а стипендіаты 3 рубля.

9. Программа познаній для желающихъ поступить въ первый классъ Рижскаго Духовнаго Училища напечатана въ номерѣ отъ 1 іюля за 1907 годъ „Риж. Еп. Вѣд.“.

10. Казеннокоштныхъ вакансій въ 1 классѣ имѣется 15: 5 для дѣтей духовенства, 5—латышей и 5 эстовъ и кромѣ того, 4 синодскихъ стипендіи.

Смотритель училища Свящ. *А. Лебедевъ.*

Отдѣлъ неофициальный.

Рѣчь предъ пахихидою по Ж. В. Гоголь въ столѣтіе со дня рожденія его (20 марта 1909 г.).

Любезные воспитанники!

Начиная торжественное собраніе въ честь великаго писателя нашего Н. В. Гоголя молитвою по немъ, мы не будемъ одиноки ни въ торжествѣ, ни въ молитвѣ нашей. Вся читающая Русь чтитъ и молитвенно поминаетъ сегодня своего великаго писателя. Христіанамъ естественно молиться обо всѣхъ. Но особенно естественно и должно молиться о томъ, кто самъ жилъ молитвою, дорожилъ ею и просилъ молиться о себѣ. А таковъ былъ поэтъ Н. В. Гоголь. „Прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ“, такъ онъ не разъ писалъ и даже завѣщалъ о себѣ. Н. В. Гоголь былъ глубоко вѣрующій человѣкъ, убѣжденный христіанинъ.

Религіозное чувство Н. В. Гоголя не было случайнымъ настроеніемъ. Оно возникло въ раннемъ дѣтствѣ подъ вліяніемъ главнымъ образомъ его благочестивой матери. Марья Ивановна Гоголь заронила въ душу сына искру теплой вѣры, искру, которая разгоралась все сильнѣе и сильнѣе и наконецъ, въ послѣдніе годы жизни Гоголя превратилась въ яркое пламя. Впечатлѣнія дѣтства, связанныя съ идеей о Богѣ, вѣрой въ Него, преданностію Его Промыслу, остались навсегда святыми, дорогими для Н. В. Гоголя и освѣщали его писательскій и жизненный путь. Въ одномъ изъ писемъ къ матери Н. В. Гоголь останавливается съ любовью на времени своего дѣтства, когда мать своими разска-

зами будила его религиозное чувство. Особенное впечатлѣніе на душу ребенка произвелъ разсказъ матери о страшномъ судѣ. „Одинъ разъ, пишетъ Н. В. Гоголь,—я живо, какъ теперь, помню этотъ случай,—я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло и разбудило всю мою чувствительность, это заронило и произвело въ послѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“.—На четвертомъ году пребыванія въ Нѣжинѣ, Гоголя постигъ тяжкій ударъ,—скончался его отецъ. Юноша сначала пришелъ въ отчаяніе, но его спасла вѣра и покорность Промыслу Божію, зароненная въ его душу въ родной семьѣ. Онъ нашелъ утѣшеніе и ободреніе въ молитвѣ и въ письмѣ къ своей матери совѣтуетъ ей также обратиться къ Богу.

„Благословляю тебя, священная вѣра!“ пишетъ онъ. „Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Прибѣгните такъ, какъ я прибѣгнулъ къ Всемогущему“.—Учасъ еще въ Нѣжинской гимназіи Гоголь писалъ и говорилъ, что ужасается при одной мысли о смерти, не совершивъ ничего полезнаго. Онъ одного желаетъ: „сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства и челоувѣчества“, жаждетъ „подъять на себя трудъ важный, благородный на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни подобныхъ“.

Жизнь и служба канцелярскаго писца, конечно, не могла удовлетворить эту глубокую и чуткую душу, стремившуюся сдѣлать въ жизни какъ можно больше добра. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ сдѣлали

сразу имя его извѣстнымъ, и Пушкинъ открылъ въ немъ талантъ, способный къ серьезному литературному творчеству. Однако, Гоголя не столько радуешь похвала прославленнаго поэта Пушкина, сколько озабочиваетъ мысль послужить какъ можно полезнѣе родинѣ своимъ словомъ. Какія глубоко искреннія слова находимъ въ одномъ изъ его писемъ: „Молюсь, пишетъ онъ, чтобы Богъ превратилъ меня всего въ одинъ благодарный гимнъ Богу, которымъ бы должно быть всякое твореніе, а тѣмъ болѣе словесное“. Изъ этой выдержки изъ письма Гоголя видно, какъ онъ высоко смотрѣлъ на задачу писателя. Самый талантъ свой онъ считалъ даромъ Божиимъ. Литературный трудъ свой онъ считалъ тѣмъ долгомъ, какъ онъ говоритъ въ Авторской исповѣди, „для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно ему даны способности и силы, и что, исполняя его, онъ служитъ въ тоже самое время такъ же государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился на государственной службѣ“. Искусство художественнаго слова онъ понимаетъ какъ яркое выраженіе чистой правды, добра и красоты.

Но какъ пѣть гимнъ этотъ Богу о правдѣ, добрѣ и красотѣ? Жизнь такъ пошла и лжива! Какъ человѣку съ возвышенной и чистой душой, какъ искреннему христіанину, Гоголю рѣзче другихъ бросалось въ глаза несоотвѣтствіе дѣйствительной жизни съ идеалами общечеловѣческими. Это несоотвѣтствіе больно било по нѣжной и чуткой душѣ поэта, и ему, а не кому другому, особенно ясно виднѣлась вся пошлость жизни. Изображеніе человѣческой пошлости, лжи, несправедливости, лѣни, безчеловѣчія, мелочности интересовъ, тупого эгоизма и скаредства составляетъ сущность образовъ и характеровъ, нари-

сованныхъ и осмѣянныхъ Н. В. Гоголемъ въ его произведеніяхъ. „Я рѣшился, говоритъ онъ, собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ тѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ“. Средствомъ, бичующимъ эти пороки онъ избралъ юморъ. Обладая огромнымъ юмористическимъ талантомъ, Н. В. Гоголь умѣлъ изображать жизнь такъ, что отъ его юмора не могли укрыться ни крупные пороки, ни все мелочное. Такое изображеніе находимъ, напр., въ его безсмертномъ произведеніи „Ревизоръ“. Общество, задѣтое комедіею „Ревизоръ“, приняло ее какъ злобную каррикутуру на жизнь. Это глубоко огорчило Гоголя. Не для потѣхи и не для выраженія злобы или мести изобразилъ онъ типы въ „Ревизорѣ“. Нѣтъ, глубокое отвращеніе ко лжи, нечестности, воровству и т. п. заставило его такъ живо воспроизвести въ „Ревизорѣ“ жизнь. Не со злобой, а сквозь слезы смѣялся Гоголь надъ этой пошлостью жизни. Онъ самъ больше другихъ страдалъ, видя столько пошлости въ жизни. Тѣмъ тяжелѣе было для Гоголя слышать, что онъ говоритъ о жизни неправду.

Въ душѣ Гоголя стало зарождаться сомнѣніе въ дѣйствительности пользы, приносимой изображеніемъ пошлой жизни. Онъ началъ опасаться, не достигнетъ ли онъ своими произведеніями результата, противоположнаго тому, котораго хотѣлъ достигнуть. Результатомъ сомнѣній было то, что Гоголь рѣшилъ, въ дополненіе къ изображенію зла, представить характеры положительные, идеальные. „Я думалъ, говоритъ онъ въ Авторской исповѣди, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобра-

зять такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовію русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ".—Въ I т. „Мертвыхъ душъ“ Гоголь развертываетъ еще болѣе широкую, чѣмъ въ „Ревизорѣ“, картину пошлости на Руси. Передъ нами проходитъ рядъ и пошлыхъ и пошленькихъ людей: Чичиковъ, Ноздревъ, Маниловъ, Селифанъ, Петрушка, Мижухевъ и др. Съ цѣлю дать характеры положительные, Гоголь написалъ II т. „Мертвыхъ душъ“. Время работы надъ II т. „Мертвыхъ душъ“ было временемъ тяжелой работы Гоголя надъ самимъ собою. Это время онъ истратилъ безъ пользы для искусства, но съ большою пользою для собственнаго нравственнаго воспитанія. II томъ „Мертвыхъ душъ“ въ концѣ концовъ Гоголь, какъ извѣстно, сжегъ, потому что нарисованные имъ идеальные типы нисколько не удовлетворили его. „Я увидѣлъ, говоритъ Гоголь, математически ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ чело- вѣка нельзя по воображенію; нужно заключать въ себѣ самомъ хотя небольшую крупицу этого, словомъ — нужно сдѣлаться лучшимъ“.

Эта работа Гоголя надъ личнымъ самоусовершенствованіемъ, одновременно съ составленіемъ II т. „Мертвыхъ душъ“ была тяжелой и мучительной порой его жизни... Онъ читалъ усиленно и изучалъ творенія св. Отцовъ Восточной церкви, охотно читалъ поученія св. Ефрема Сирина, произведенія нашихъ церковныхъ писателей: св. Димитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго, и западныхъ богослововъ Тома Кемпійскаго и Боссюета. Изъ этого широкаго знакомства со святоотеческой литературой Гоголь

научился глубже понимать христіанскую истину и, при искренности своихъ религіозныхъ стремленій, сумѣлъ подняться до высокаго религіознаго настроенія; но тѣмъ сильнѣе омрачался онъ пошlostію жизни и тѣмъ требовательнѣе становился онъ къ самому себѣ.

Либеральнымъ людямъ того времени крайне претитала эта высокая религіозная настроенность Гоголя, и Гоголя коснулась при его жизни клевета о его ханжествѣ, обрядности, лицемѣрии и даже сумасшествіи. Гоголь съ примѣрнымъ терпѣніемъ отвѣчаетъ на эти насмѣшки. „Клевета не смущаетъ меня, хотя бы мое имя дошло оклеветаннымъ до потомства и и осталось въ такомъ видѣ до конца міра, потому что я увѣренъ, что судить меня будетъ Тотъ, Кто повелѣлъ быть міру и намъ и вѣдаетъ мысли наши въ ихъ полнотѣ“. Ученые, какъ напр. проф. Веселовскій, проф. Тихонравовъ, ученый біографъ Гоголя Шенрокъ находятъ, что религіозное чувство Гоголя было естественнымъ и здоровымъ настроеніемъ его духа до послѣдней минуты.

Статья Гоголя „Размышленія о Божеств. Литургіи“ полна благоговѣйныхъ чувствованій христіанской вѣрующей души. „И если только, пишетъ Гоголь, любящій благоговѣйно и прилежно слѣдитъ за всякимъ дѣйствіемъ литургіи, душа пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся исполнимы, бремя Христово легко“... Какъ прекрасны эти слова! Или, въ Авторской исповѣди Гоголь говоритъ: „Я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ немъ ключъ къ душѣ челоуѣка, и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ“.

А о внѣшнемъ только исполненіи христіанскихъ

обрядовъ Гоголь отзывается, напр., такъ въ своемъ письмѣ къ матери и сестрѣ: „Я никогда не думалъ до сихъ поръ, чтобы вы были такъ мало христіанки... вы, какъ видно, мастерицы исполнять только наружные обряды, а на практикѣ и на дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ только во Христѣ, вы, какъ говорится, на попятный дворъ“.

Любовь и благоговѣніе Н. В. Гоголя предъ Господомъ Богомъ выражались непритворно и въ его сострадательномъ отношеніи къ нуждающимся. Известно, что Н. В. Гоголь отказался отъ своего имущества въ пользу сестеръ и матери и часто самъ нуждался въ необходимомъ, раздавая все, что имѣлъ, бѣднымъ. Живя за границей, онъ, напр., помогалъ русскимъ художникамъ, для чего заказывалъ имъ иконы, которыя потомъ жертвовалъ въ храмы Божіи.

Искренняя вѣра его въ Промыслъ Божій наполняла сердце его покорностію Богу. Церковь Православную онъ называлъ „сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ“, „силою, которая одна только можетъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣній и вопросы наши“. Съ дѣтства проникнуть онъ былъ страхомъ суда Божія, памятованіе о которомъ наполняло душу его тѣмъ же страхомъ Божіимъ и въ послѣдніе дни его жизни.

Въ началѣ 1848 г. Гоголь отправляется въ Иерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, осуществляя этимъ давнишнюю мечту свою. Вотъ какъ онъ передъ отъѣздомъ проситъ всѣхъ молиться: „Прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ, начиная отъ святителей, которыхъ уже вся жизнь есть одна молитва. Прошу молитвы, какъ у тѣхъ, которые смиренно вѣрують въ силу молитвъ своихъ, такъ и у тѣхъ, которые не вѣрують вовсе въ молитву..; но какъ бы ни была безсильна и черства ихъ мо-

литва, я прошу помолиться обо мнѣ этою самой безсильною и черствою ихъ молитвой“. Пребываніе въ Іерусалимѣ убѣдило Гоголя въ томъ, что онъ далекъ еще отъ нравственнаго совершенства. „Еще никогда я не былъ такъ недоволенъ состояніемъ сердца своего, пишетъ онъ, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима“; „у Гроба Господня я былъ какъ будто затѣмъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ холода сердечнаго, какъ много себялюбія и самолюбія“.—Скончался Н. В. Гоголь въ семьѣ одного изъ друзей своихъ 21 февраля 1852 г. на 43 г. жизни. Предъ смертію онъ исповѣдался и причастился св. Таинъ.

Въ „Духовномъ Завѣщаніи“ своемъ авторъ „Ревизора“, „Мертвыхъ душъ“ и „Переписки съ друзьями“, обезсмертившихъ его гений и христіанскую натуру, ищетъ себѣ памятника въ слѣдующемъ: „Кому я былъ дѣйствительно дорогъ, тотъ воздвигнетъ мнѣ памятникъ иначе: воздвигнетъ онъ его въ самомъ себѣ непоколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреньемъ и освѣженемъ всѣхъ вокругъ себя. Кто послѣ моей смерти выростетъ выше духомъ, нежели какъ былъ при жизни моей, тотъ покажетъ, что онъ, точно, любилъ меня и былъ мнѣ другомъ, и симъ только воздвигнетъ мнѣ памятникъ“.

Н. В. Гоголь—гордость и слава русскаго народа. Своими художественными произведеніями, своимъ горькимъ смѣхомъ надъ пошлостью жизни, своими душевными мученіями какъ за эту пошлость, такъ и за себя, своею чуткою душою и искреннею и глубокохристіанскою настроенностію—онъ дорогъ намъ!

Помолимся объ упокоеніи души смиреннаго раба Божія поэта Николая.

О чемъ писалъ и чему поучалъ Гоголь въ своихъ сочиненіяхъ? Его основныя взгляды и идеалы ¹⁾

Когда мы поминаемъ какого-либо писателя, особливо давно уже сошедшаго въ могилу, намъ конечно, любопытно бываетъ услышать, кто онъ таковъ былъ и что писалъ ²⁾; но еще болѣе любопытно узнать то, о чемъ именно онъ писалъ, каковы были его идеалы, какіе уроки старался онъ преподать своимъ современникамъ и какіе намъ, отдаленнымъ потомкамъ своимъ, оставилъ завѣты, чтобы поминали его добрымъ словомъ. Объ этомъ и позволю себѣ сказать предъ почтеннымъ собраніемъ, въ настоящій юбилейный праздникъ славнаго писателя русскаго Н. В. Гоголя, но сказать кратко, потому что подробное изложеніе означенныхъ вопросовъ потребовало бы не полчаса времени.

Н. В. Гоголь, въ отличіе отъ ближайшихъ къ нему другихъ русскихъ писателей художественно-національной школы, былъ по преимуществу писатель социальный, иначе говоря общественный, и вмѣстѣ моралистъ, т. е. онъ касался въ своихъ сочиненіяхъ общественныхъ вопросовъ, имѣвшихъ глубокое жизненное значеніе для того времени, и поучалъ своихъ современниковъ.

Что же сказалъ Гоголь русскимъ людямъ?

Обратимся къ его сочиненіямъ. Вотъ онъ рисуетъ намъ патріархальную жизнь своихъ отдаленныхъ дѣдовъ и пра-дѣдовъ, старосвѣтскихъ помѣщиковъ; онъ съ восхищеніемъ говоритъ, что они были простодушны, тихи и смиренны, незлобивы, радушны и гостепріимны, невзыскательны, скром-

¹⁾ Читано 19 Марта 1909 г. въ актовомъ залѣ Рижск. Дух. Семинаріи, во время литературнаго вечера, по случаю исполнившагося 100 лѣтія со дня рожденія Гоголя.

²⁾ Предъ этой рѣчью на вечерѣ прочитанъ былъ біографическій очеркъ жизни и литературной дѣятельности Гоголя.

ны, свободны отъ всякихъ дерзостныхъ желаній и жили въ простотѣ сердца, часто наивно, намѣренно сторонясь не только отъ жизненной борьбы, но и отъ повседневной, окружавшей ихъ дѣйствительности. . . Но довольно ли этого человѣку? Нѣтъ, своимъ изображеніемъ поэтъ даетъ понять, что человѣку нужна еще и мудрость, твердый характеръ, распорядительность во всемъ, дисциплина, наконецъ умственное образованіе: иначе человѣкомъ легко овладѣваютъ суевѣріе, предразсудки, праздность и забвеніе высшихъ интересовъ жизни, и самая жизнь неминуемо превращается въ какое-то прозябаніе, недостойное разумнаго существа. Вотъ Гоголь описываетъ новыхъ, т. е. современныхъ ему помѣщиковъ, и что же видитъ? Одни изъ нихъ проводятъ время въ добродушномъ ничего-недѣланіи, отдаваясь пустымъ мечтамъ; другіе заботятся лишь о томъ, чтобы выжать весь сокъ изъ своего крестьянина въ свою пользу, не давая ему ничего отъ себя; иные тратятъ весь богатый запасъ силъ своихъ на неугомонный разгулъ и азартныя развлечения: такіе люди какъ будто и созданы болѣе для ярмарки и скандаловъ, чѣмъ для хозяйства; иные обратились въ мелкихъ скопидомовъ, или прямо сдѣлались отвратительными скрягами; иной показываетъ себя какимъ-то непостижимымъ хлѣбосоломъ, обратившимъ потребности желудка въ высшіе интересы жизни, и самъ превратился въ никогда ненасытимое чрево; иной слабохарактерный мечтатель-теоретикъ; иной ревностный, но безтолковый поклонникъ заграничныхъ порядковъ и т. д., и т. д. Правда, было среди русскихъ людей одно, по мнѣнію Гоголя, дѣятельное лицо, съ богатымъ запасомъ энергіи, которое дѣйствительно работало безъ устали, не падая духомъ при неудачахъ и не отступая ни предъ какими затрудненіями (разумѣется извѣстный герой въ поэмѣ Гоголя П. И. Чичиковъ); но вся энергія этого единственнаго дѣятельнаго человѣка ушла на мелочное и притомъ плутова-

тое обдѣльваніе своихъ мелкихъ дѣлишекъ, послѣдняя цѣль которыхъ—животная сытость, комфортъ, барство, вообще удовлетвореніе низшихъ своихъ потребностей, при отсутствіи всякой высшей идеи, всякаго сознанія личного и общественнаго долга. . . И становится понятнымъ читателю, гдѣ кроется причина экономическаго неблагоустройства тогдашней Россіи и что нужно дѣлать, дабы впредь достигнуть лучшаго.—Вотъ Гоголь изображаетъ современныя ему служебныя сферы, и тутъ находитъ множество всякихъ недостатковъ: добродушное бездѣльничанье, взятки, всякія хитрыя продѣлки и даже открытое злонамѣренное нарушеніе закона ради корыстныхъ цѣлей; а иные, подобно Хлестакову, вмѣсто службы, тратятъ время на всякіе пустяки, мечтаютъ и болтаютъ свои несвязныя рѣчи.— Вотъ Гоголь изображаетъ частную интимную и семейную жизнь современныхъ ему горожанъ, и опять находитъ, что вся эта жизнь ушла на веселыя пирушки, наряды, визиты, свѣтскія развлеченія, сплетни и ссоры часто изъ-за пустяковъ и заѣдающую злобу дня; и нигдѣ не видно серьезной заботы: ни о своей личности, ни о личности ближняго; нѣтъ и жалости къ меньшему, обездоленному брату, надъ которымъ его же сотоварищъ готовъ и посмѣяться и принизить.—Такъ, вся современная поэту жизнь—частная, семейная и общественная—представляется ему, какъ ужасная потрясающая масса мелочей, суеты и пошлости, а сами люди, по его мнѣнію, какъ настоящія „мертвыя души“. Единственное утѣшеніе поэтъ видитъ въ томъ, что все изображенное несовершенство жизни происходитъ не столько отъ злонамѣренности людей, сколько отъ ихъ умственной и главнымъ образомъ нравственной неразвитости, глупости и грубости.

Какое же лѣкарство предлагаетъ Гоголь?

Нужно трудиться. „Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенія, какъ высшее всѣхъ наслажденіе, и требуетъ отъ

человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя“. Прекрасны эти строки у поэта, и не могу удержаться, чтобы не прочитать ихъ сполна. „Да“, сказалъ Костанжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова: „надобно имѣть любовь къ труду: безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство,—да! И повѣрьте, это вовсе не скучно. Вы думали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они въ этихъ глупыхъ своихъ клубахъ, трактирахъ да театрахъ. Дураки, дурачье, ослиное поколѣніе! Хозяину нельзя, нѣтъ времени скучать. Въ жизни его и на полвершка нѣтъ пустоты—все полнота. Одно это разнообразіе занятій, и притомъ какихъ занятій! —занятій, истинно возвышающихъ духъ. Какъ бы то ни было, но вѣдь тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореніи. Рассмотрите-ка круговой годъ работъ: какъ, еще прежде, чѣмъ наступитъ весна, все ужъ на сторожѣ и ждетъ ея: подготовка сѣмянъ, переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе новыхъ тяголъ. Все обсматривается впередъ и все рассчитывается въ началѣ. А какъ взломаетъ ледъ, да пройдутъ рѣки, да просохнетъ все и пойдетъ взрываться земля—по огородамъ и садамъ работаетъ заступъ, по полямъ соха и бороны; садка, сѣвы и посѣвы. Понимаете ли, что это? Бездѣлица! грядущій урожай сѣютъ! Блаженство всей земли сѣютъ! Пропитаніе милліоновъ сѣютъ! Наступило лѣто... А тутъ покосы... И вотъ закипѣла вдругъ жатва; за рожью пошла рожь, а тамъ пшеница, а тамъ и ячмень, и овесъ. Все кипитъ; нельзя пропустить минуты: хоть двадцать глазъ имѣй, всѣмъ имъ работа. А какъ отпразднуется все, да пойдетъ свозиться на гумны, складываться въ клады, да зимнія запашки, да чинки къ зимѣ амбаровъ, ригъ, скотныхъ дво-

ровъ, и въ то же время всѣ бабьи работы, да подведешь всему итогъ и увидишь, что сдѣлано,—да вѣдь это... А зима! Молотьба по всѣмъ гумнамъ; перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь и взглянуть и на рабочій дворъ, идешь и къ мужику, какъ онъ тамъ на себя копышется. Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣть топоромъ, я два часа готовъ предъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, что все это съ какой цѣлью творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ,—да я и рассказать не могу, что тогда въ тебѣ дѣлается. И не потому, что растутъ деньги,—деньги деньгами,—но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому что видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденіе?" сказалъ Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіялъ онъ весь, и казалось, какъ бы лучи исходили изъ его лица. „Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденія! Здѣсь именно подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенія, какъ высшее всѣхъ наслажденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!..“

Къ труду Гоголь прежде всего призываетъ дворянъ-помѣщиковъ, которые, по убѣжденію поэта, должны „сидѣть на землѣ“, быть отцами для крестьянъ, вѣрными слугами отечеству. Служба ихъ—въ заботѣ о процвѣтаніи своего имѣнія, въ довольствѣ ихъ самихъ и крестьянъ, потому что, по мнѣнію Гоголя, процвѣтаніе родины зависитъ отъ процвѣтанія тѣхъ единицъ, которые называются „граждане“. Устами того же Костанжогло, Гоголь такъ говоритъ

помѣщику: „Самъ возьми въ руки заступь, жену, дѣтей, дворню заставь; умри на работѣ! Умрешь, по крайней мѣрѣ, исполняя долгъ“. Такого же труда Гоголь требуетъ и отъ всѣхъ служилыхъ русскихъ людей. Обязанность чиновника, купца, всякаго человѣка—выяснить свой „долгъ“ передъ людьми и Богомъ, и свято его исполнять, не гоняясь за большимъ, не выходя изъ тѣхъ предѣловъ, въ которые cadaго забросила судьба.

Но трудъ земледѣльческій, равно какъ и всякій трудъ служебный, по мнѣнію Гоголя, не составляетъ еще всего дѣла человѣка на землѣ, ибо этотъ трудъ имѣетъ въ виду лишь интересы тѣла—счастіе внѣшнее. Но кромѣ тѣла, у человѣка есть еще душа съ ея высшими запросами, а потому трудъ человѣка долженъ быть направленъ, кромѣ земного, еще и на духовные интересы. И это первѣе всего, ибо душа важнѣе тѣла, притомъ и самое благополучіе земное, въ концѣ концовъ, обуславливается и зависитъ отъ благоустройства нашей души.

Съ этой точки зрѣнія и самъ Костанжогло, этотъ образцовый помѣщикъ—хозяинъ, не есть еще, по мнѣнію Гоголя, совершенный человѣкъ. Такого человѣка онъ хотѣлъ представить въ лицѣ богатаго откупщика Муразова, въ которомъ распорядительная хозяйственность и богатство матерьяльное всецѣло подчинены высшимъ духовнымъ интересамъ и этими послѣдними управляются. Вотъ что говоритъ этотъ Муразовъ Чичикову: „Ей-ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ—за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ—друга, точно какъ будто можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте, покамѣстъ, бросаю все, изъ за чего грызутъ и ѣдятъ другъ-друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества,—не установится благоустройство и земнаго имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во

всякомъ... Это ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависить тѣло“.

Въ чемъ же должна состоять эта наша забота о душѣ, или „дѣло душевное“, какъ говоритъ Гоголь? Главное дѣло душевное должно заключаться въ нравственномъ совершенствованіи—въ этомъ цѣль и задача всего существованія. Прежде всего мы должны покаяться въ своихъ грѣхахъ, сбросить съ себя запинаящую насъ грѣхъ, и, повинившись Христу, жить и поступать во всемъ по Его закону. „Я (самъ), говоритъ Гоголь, оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣковѣчныхъ законовъ, которыми движется и человѣчество вообще... и на этой дорогѣ, нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не входилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ“... И вотъ Гоголь опредѣляетъ правило жизни въ такихъ словахъ: „Назначеніе человѣка—служить, и вся наша жизнь есть служба. Не забывать только нужно того, что взято мѣсто въ земномъ государствѣ затѣмъ, чтобы служить въ немъ Государю Небесному, и потому имѣть въ виду Его Законъ. Только такъ служа, можно угодить всѣмъ: Государю, и народу, и землѣ своей“. ³⁾ Пойми, какъ бы такъ говоритъ Гоголь, (передаемъ своими словами рядъ мыслей автора, высказанныхъ имъ въ разныхъ статьяхъ), что ты—рабъ Божій, что твое дѣло, твоя обязанность служебная есть данное тебѣ отъ Бога послушаніе, и неси его со смиреніемъ и всякимъ усердіемъ, какъ несутъ свое послушаніе монахъ въ монастырѣ, работая тѣмъ самымъ для спасенія своей души. Мы всѣ въ этомъ отношеніи какъ бы подвижники, а міръ—арена для подвиговъ; каждому дано въ удѣлъ какое-либо послушаніе, и каждому

³⁾ Авторская исповѣдь.

данъ свой талантъ; уразумѣй, усоверши его и старайся, чтобы этотъ талантъ принесъ два и болѣе талантовъ. Но цѣлью твоей работы да будетъ не земля и плоть, а угожденіе Богу и спасеніе души. Только при этомъ условіи, т. е., когда будешь трудиться прежде всего для спасенія своей души, постоянно памятуя о Богѣ и собственномъ совершенствованіи себя, все пойдетъ въ жизни хорошо. А безъ того все обратится во зло“.

Препод. Н. П. Мамыкинъ.

(Окончаніе будетъ).

Современная интеллигенція и христіанство православное.

(Изъ церковно-общественной жизни).

Отмѣчено, что за послѣдніе двадцать лѣтъ наша интеллигенція успѣла обнаружить крайнюю неустойчивость въ характерѣ своей духовной настроенности. Смѣна идей въ міросозерцаніи нашего интеллигента и мода на нихъ идутъ настолько спѣшно, что трудно установить внутреннюю связь между смѣняемыми идеями. Сегодня преклоняются предъ однимъ идоломъ и гонятся за однимъ идеаломъ, а завтра заушаютъ и разрушаютъ то и другое ради третьяго; сегодня были толстовцы и устраивали въ закавказьи коммуны; потомъ, побросавъ косы и лопатки, стали декадентами и пустились писать „о новой красотѣ“, которую и запечатлѣли въ порнографическихъ стихахъ. Завтра вмѣстѣ съ Ничше стали „переоцѣнивать цѣнности“ и сочинять „сверхъ-человѣка“, потомъ стали марксистами и, забросивъ подъ лавку его „капиталь“, сѣли за изученіе соч. Влад. Соловьева, и завершили вечеръ того дня христіанскимъ социализмомъ и неохристіанствомъ. Такія метаморфозы съ интеллигенціей относятся нѣкоторыми просто насчетъ ея

легкомыслія, якобы издавна присущаго этому классу людей. Но едва-ли это такъ.

Дѣло въ томъ, что при выработкѣ міросозерцанія, какъ непостоянство не является еще порокомъ, такъ и постоянство добродѣтелью; и заушать интеллигенцію за ея непостоянство въ этой работѣ весьма рискованно. Незачѣмъ тогда поклонникамъ постоянства покланяться В. Бѣлинскому, отличавшемуся крайнимъ непостоянствомъ въ исповѣдываніи разныхъ идей: или онъ былъ легкомысленнымъ, чего никто не скажетъ; или непостоянство можетъ имѣть инья, болѣе даже серьезныя причины, чѣмъ легкомысліе: напр. добросовѣстность и отвращеніе ко лжи. Тутъ, очевидно, дѣло не въ интеллигенціи, а въ тѣхъ идеяхъ, въ тѣхъ ученіяхъ, которыми хотятъ ее напитать духовно.

Не надо-бы поклонникамъ постоянства забывать, что интеллигенція наша вотъ уже полустолѣтіе воспитывается въ духѣ позитивизма; воспитывается безъ религіи, и именно, такими системами, которыя нарочно приспособлены такъ, чтобы вытравлять въ душѣ прирожденную способность вѣры. Разнообразныя ученія, которымъ интеллигенція быстро измѣняетъ, въ сущности суть одни и тѣже, но разные только по формѣ плоды, выращенные на одной и той же почвѣ позитивизма и пропитанные однимъ и тѣмъ же его ядомъ. Что же мудренаго въ томъ, что духовный организмъ интеллигенціи, руководимый инстинктомъ самоохраненія, отвращается отъ этой пищи и выбрасываетъ ее вонъ?

Перемѣнить природы нельзя; ее можно только искалѣчить. Поэтому сколько бы не питали интеллигенцію подобными плодами „съ древа познанія“ ея зміи-искусители, она всегда инстинктивно будетъ простираетъ руки къ „древу жизни“, ища Бога, какъ источника тепла и свѣта.

Если такія огромныя интеллектуальныя силы и такія вершины интеллигенціи, какъ Достоевскій, Владиміръ Со-

ловьевъ, Левъ Толстой, проф. С. Трубецкой и др., не прежде успокоились въ своихъ исканіяхъ, какъ ставъ на путь вѣры, то это можетъ служить только показателемъ, въ чемъ недостатокъ позитивизма и что собственно ищетъ интеллигенція, перебѣгая отъ идола къ идолу и отъ идеала къ идеалу. Всѣ указанные люди—тончайшіе выразители психики интеллигенціи, опередившіе ее на пути, долженствующемъ быть ею пройденнымъ, только благодаря исключительнымъ по величинѣ природнымъ своимъ дарованіямъ. Стало быть вступленіе на путь вѣры вождей интеллигенціи есть только показатель, куда рано или поздно направится она по накопленіи жизненнаго опыта, и гдѣ найдетъ себѣ „тихое пристанище“, разочарованная идеалами позитивизма.

Къ концу XIX ст. у интеллигенціи, дѣйствительно, набралось достаточно жизненнаго опыта, говорящаго за то, что безвѣріе позитивизма не только не дѣлаетъ человѣка „автономнымъ“ и счастливымъ вопреки обѣщанію сатаны (будете сами „яко божи“!), но напротивъ, самымъ положительнымъ образомъ загоняетъ его въ тупикъ, заковываетъ въ самые позорные кандалы его свободу; и, вмѣсто жизнерадостности, преподноситъ къ его устамъ самымъ повелительнымъ тономъ сократовскую цикуту. Кто бы не оказалъ, напр., чувства человѣколюбія и состраданія такой жертвѣ позитивизма, которая оплакиваетъ себя такими словами: „устремляя наши очи на *блѣднѣющій* востокъ (да будетъ такъ: спасеніе съ востока!), дѣти мрака, дѣти ночи, ждемъ: придетъ ли нашъ пророкъ? (увы, давно пришелъ!) Мы невѣдомое чуемъ (какъ это можетъ быть невѣдомымъ то, къ чему влечетъ чувство?) и съ улыбкою въ устахъ (стало быть оно приходится по сердцу), умирая, мы тоскуемъ о несозданныхъ мірахъ! (Кто можетъ тосковать о несуществующемъ? а такъ какъ эти міры не только существуютъ, но даже близки душѣ и сердцу человѣка, коли онъ тоску-

еть о нихъ; то кто же старался внушить ему, что этихъ мировъ нѣтъ и они не созданы?). Еще сильнѣе выразился Л. Толстой о позитивныхъ устояхъ, на которыхъ укрѣпляется наша интеллигенція. „Къ 50 лѣтамъ, „исповѣдуется“ онъ, я почувствовалъ, что то, на чемъ я стоялъ, подломилось, что мнѣ стоять не на чѣмъ, что того, чѣмъ я жилъ, ужъ нѣтъ, что мнѣ *жить не чѣмъ*“. И вотъ, самый счастливый человѣкъ съ точки позитивнаго идеала, онъ, обладающій богатствомъ, славою и счастливою (?) семейною жизнью, продолжаетъ: „тогда я, счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься, и пересталъ ходить на охоту съ ружьемъ, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни“. Говоря такъ о себѣ, Толстой говоритъ и о кружкѣ своемъ тоже самое: „оглядывая тѣсный кружокъ сверстныхъ мнѣ людей, я видѣлъ только людей, не понимавшихъ вопроса (жизни), понимавшихъ и заглушавшихъ вопросъ пьянствомъ жизни, понявшихъ и прекращавшихъ жизнь, и—появившихъ и по слабости доживавшихъ отчаянную жизнь. И я не видалъ иныхъ“... Стоитъ сопоставить эти вопли мукъ душевныхъ съ величайшимъ гимномъ Господу: „Благослови, душе моя, Господа! дивна дѣла Твоя... вся премудростію сотворилъ еси!“—Это по истинѣ слова святого восторга при разсмотрѣніи той самой жизни, которая заставляетъ иныхъ „прятать отъ себя шнурокъ“, чтобы понять, что позитивные рецепты жизни, это—рецепты не жизни, а смерти въ буквальномъ смыслѣ этого слова; что ощущеніе прилива счастья къ сердцу возможно только при вѣрѣ въ Господа, которая одна только въ силахъ научить, что „дивна дѣла Твои, Господи“... и что позитивизмъ, это—та отравка, которая превращаетъ радости дитяти, самыя невинныя, самыя идеальныя, въ предсмертныя корчи и муки. Все это понято лучшими представителями интеллигенціи и разъяснено ей ея личнымъ опытомъ.

Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что среди интеллигенціи въ настоящее время можно подмѣтить уже не единоличные переходы съ невѣрія на путь вѣры, а переходы цѣлыми группами, свидѣтельствующіе, что среди интеллигенціи существуетъ наличность довольно сильнаго броженія и наклона въ пользу вѣры вообще и христіанства въ частности. Это уясняется такими фактами, какъ быстрый ростъ „религіозно-философскихъ обществъ“, которыя изъ Петербурга и Москвы успѣшно проникаютъ и въ провинціальныя центры культурной жизни. Интересъ къ этимъ обществамъ среди интеллигенціи показываетъ, что они весьма и весьма отвѣчаютъ ея запросамъ. А давно-ли было время, когда за границей Огюсть Контъ, объявившій религію и философію сданными въ архивъ, тратилъ время понапрасну на сочиненіе „религіи науки“; а у насъ Д. Писаревъ предвкушалъ блаженство завтрашняго дня, когда религія и философія ликвидируются въ пользу безраздѣльнаго царствованія *естественныхъ наукъ* надъ душами чело-вѣчества!

„Религіозно-философскія общества“ собственно заняты не спеціально христіанствомъ, а общими вопросами религіи и философіи, хотя практически, по существу дѣла, они и удѣляютъ большую долю времени христіанству, какъ самому послѣднему слову религіознаго творчества. Но наряду съ этимъ существуютъ среди интеллигенціи и такія направленія, которыя спеціально заняты христіанствомъ. Таковъ „христіанскій социализмъ“ или—исканіе въ христіанствѣ „живой воды“ для оживотворенія мертвечины социалистической системы. Конечно, такой эклектизмъ, или соединеніе несоединимаго, долженъ считаться восьмымъ чудомъ свѣта, изъ ряда выходящимъ творчествомъ прехитраго ума чело-вѣка; но фактъ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что нужду въ христіанствѣ обнаруживаетъ даже и социализмъ. Сюда же относится и „неохристіанство“. Эта

группа христіанствующей интеллигенціи заинтересовываетъ собою не одну только интеллигенцію, но даже и православное духовенство. Обращаетъ на себя вниманіе она тѣмъ, что вноситъ въ борьбу христіанства съ позитивизмомъ новую фазу: отъ традиціоннаго обороненія христіанства отъ нападковъ позитивизма, она сама перешла на нападки на позитивизмъ, на его сердце и его устои. И позитивизмъ, подь ударами неохристіанъ, долженъ перемѣниться ролями съ христіанствомъ: изъ нападающаго долженъ превратиться въ обороняющагося. Неохристіане воздѣйствуютъ на общество и словомъ, вступая въ публичные диспуты съ противниками (на собраніяхъ религіоз.-философ. обществъ), и письменно, изданіемъ своихъ сочиненій *). Они лучшіе миссіонеры среди атеистическую интеллигенціи. И ничего нѣтъ въ этомъ мудренаго. Они, сами вчерашніе позитивисты, учились съ ними по однимъ и тѣмъ же книжкамъ, въ однихъ и тѣхъ же высшихъ школахъ; владѣютъ однимъ и тѣмъ же оружіемъ и съ одинаковою ловкостью. Кромѣ того, они знаютъ всѣ больныя мѣста позитивизма и гнилыя его подпорки, задрапированныя отъ непосвященныхъ и посторонняго глаза. Потому же самому и лучшими противораскольническими миссіонерами являются тѣ, которые сами вышли изъ раскола. Такъ, къ христіанской вѣрѣ стремится взрослая интеллигенція. Но отъ нея не отстаютъ и юношество. Это особенно цѣнно. Если закоренѣлая въ позитивизмъ интеллигенція путемъ житейскаго опыта принуждается съ дороги Савла переходить на дорогу Павла, то юношество, въ своей юности вступивъ на эту дорогу, свободное отъ закоренѣлыхъ привычекъ, дастъ въ будущемъ несомнѣнно

---

*) Изданія неохристіанъ: „Вопросы жизни“, „Религія и жизнь“, „Живая жизнь“ всѣ нынѣ прекращены.

болѣ серьезные плоды своего христіанствованія. Среди еще вчерашнихъ присяжныхъ невѣровъ-студентовъ, которые носили ярлыкъ безбожія столь-же обязательно, какъ форменную фуражку, начинается замѣтное отрезвленіе. Появилось среди нихъ общество развитія и укрѣпленія нравственности, (оно имѣетъ свое повременное изданіе, кажется, въ Кіевѣ). Основанъ „Кружокъ христіанскихъ студентовъ“ (въ Петербургѣ), который выпускаетъ множество воззваній, листовъ, брошюръ съ призывомъ ко Христу. Кружокъ имѣетъ свое собственное изданіе Евангелія (пока только „отъ Марка“), съ весьма вдумчиво составленными вопросами и указаніемъ отвѣтовъ на нихъ въ Библии.

Все это показываетъ, что христіанство начинаетъ приобретать интересъ среди интеллигенціи и есть уже не малое число прозелитовъ. Такіе симптомы поворота интеллигенціи назадъ, къ тому пункту, гдѣ она разошлась съ вѣрою, конечно, отрадны. Въ основу этой радости всякій можетъ положить евангельскія слова: „се, мертвъ бѣ и оживе; изгибль бѣ и обрѣтесе!“ Но въ этой радости не надо забывать всякому православному христіанину, что если для него дороже всего на свѣтѣ Христосъ и христіанство, то въ христіанствѣ дороже всего именно православіе. Стало быть, православные христіане далеки должны быть отъ такого расширенія братства по вѣрѣ, которое проявлено было на религіозномъ конгрессѣ въ г. Чикаго (въ 1895 г.), имѣвшемъ своею задачей выработку мѣръ для борьбы съ ростомъ безбожія. Вѣра на этомъ конгрессѣ имѣла столь всеобъемлющее значеніе, что совмѣстила несомѣстности и объяла необъемлемое: православныхъ, католиковъ, лютеранъ, евреевъ, магометанъ, буддистовъ Китая и Японіи и браминовъ Индостана. Въ этомъ конгломератѣ „вѣрующихъ“, повидимому, не было ни одного истинно-вѣрующаго, ибо природа истинной вѣры такова, что не признаетъ другихъ

вѣрь и отрицаетъ ихъ. Она требуетъ полнаго единомыслія отъ своихъ послѣдователей даже въ деталяхъ.

Тул. Е. В.

(Окончаніе будетъ).

Пророчество и Исторія въ освѣщеніи полковника Ф. К. ванъ-Бейнингена. Опроверженіе его ученія о томъ, что второе пришествіе Спасителя будетъ въ 1932—33 году.

(Продолженіе *).

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны придти къ заключенію, что при всемъ остроуміи сближеній у ванъ-Бейнингена между событіями историческими и картинами Апокалипсиса, мы не можемъ видѣть въ Апокалипсисѣ св. Іоанна Богослова какихъ либо данныхъ къ возможности вычисленія лѣтъ, остающихся до кончины міра или до пришествія на судъ Господа Іисуса. И это вполне понятно: по вопросу о послѣднихъ судьбахъ міра Апостоль не могъ дать большаго и существенно новаго, чѣмъ то открыто въ Евангеліи, сказано Самимъ Іисусомъ Христомъ. Евангеліе же говоритъ намъ, что „о днѣ томъ и часѣ никто не знаетъ, ни Ангелы небесные, а только Отецъ... одинъ„ (Матѣ. XXIV, 36), а чтобы не подумали, вмѣстѣ съ г. Бейнингеномъ, что можно не знать о часѣ и днѣ, но доступно знаніе года, прочтите разъясненіе въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (1, 7) о томъ, что Апостоламъ не дано знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ въ Своей власти. Ясно изъ этихъ словъ, хотя бы они были сказаны по другому вопросу, что всѣ времена и сроки, (не только годы, но и времена!), „положенныя Отцемъ въ Своей власти“, не

---

*) См. № 7 Риж. Е. В. 1909 г.

доступны вѣдѣнію человѣка, хотя бы и великаго Апостола; но время кончины міра и относится къ области вѣдѣнія именно Отца (никто же его вѣсть, токмо Отець), слѣдовательно, годъ кончины міра даже приблизительно не можетъ быть предуказанъ. Въ Евангеліи отъ Марка читаемъ: „о днѣ же томъ, или часѣ, никто не знаетъ, ни Ангелы небесныя, ни Сынъ, но только Отець“. (Мрк. XIII, 32). Такимъ образомъ, Господь Іисусъ Христосъ, какъ мудрый Педагогъ, сослался даже на собственное Свое невѣдѣніе по вопросу о часѣ пришествія Своего, возбуждая тѣмъ съ большею силою къ нравственному бодрствованію, къ непрестанному ожиданію и готовности встрѣтить Жениха въ полунощи, съ готовыми свѣтильниками подобно мудрымъ дѣвамъ, къ ежечасной возможности встрѣтить нашего Грознаго, но и Праведнаго Судію. Но въ той же самой бесѣдѣ Господа о послѣднихъ временахъ (въ такъ называемой по гречески-эсхатологической бесѣдѣ) Господь указываетъ намъ на „времена языковъ (или язычниковъ)“, наступающія съ разрушеніемъ Іерусалима: „Іерусалимъ будетъ попираемъ язычниками, доколѣ не окончатся времена язычниковъ“ (Лк. XXI, 24). Здѣсь разумѣются времена, благопріятныя для язычниковъ, соотвѣтственно значенію греческаго слова, употребленнаго здѣсь въ подлинникѣ—*keros*, заключающаго въ себѣ мысль о надлежащемъ, цѣлесообразномъ употребленіи времени, о благопріятномъ моментѣ. Смыслъ изреченія „о временахъ языковъ“ будетъ намъ понятенъ, если мы сравнимъ словоупотребленіе даннаго мѣста съ тѣмъ, которое читаемъ въ Ев. Лк. XIX, 44. Тутъ Господь угрожаетъ Іерусалиму наказаніемъ за то, что онъ не воспользовался надлежащимъ образомъ *временемъ посѣщенія* Его—*kerosъ επισκοπισ*; подъ этимъ временемъ посѣщенія, очевидно, нужно разумѣть время явленія и дѣйствія Спасителя среди евреевъ. Такъ какъ народъ отвергъ Христа, такъ какъ евреи употребили время посѣщенія во

зло себѣ, отвергнувъ божественнаго Искупителя, то имъ предрекается, и прежде всего Иерусалиму, поспраніе отъ язычниковъ. Но если для Израиля время посѣщенія Господа, время благопріятное кончилось, то оно началось для язычниковъ, къ которымъ перешло отъ недостойнаго Израиля; посему Апостоль Павелъ и возглашаетъ: „се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія“. Язычники, видя примѣръ осужденнаго за невѣріе Израиля, на семъ примѣрѣ прекрасно могутъ научиться, какъ достойно использовать время благопріятное и день спасенія, когда ихъ посѣтилъ Господь, оставивъ Израиля. Язычниковъ теперь посѣщаетъ Господь, правда, не личнымъ явленіемъ, но спасительною проповѣдію о Себѣ и дарованіемъ принявшимъ Его—Духа Святого. Понятно теперь, почему евангелистъ Лука, у котораго читаемъ выраженіе о „временахъ языковъ“, не говоритъ, о распространеніи подобно еванг. Маттею, о томъ, что прежде пришествія Господа *проповѣстся евангеліе царствія по всей вселенной, во свидетельство всемъ языкомъ*: не говоритъ потому, что эта проповѣдь разумѣется въ выраженіи о благопріятныхъ временахъ языкамъ. Это нынѣ, этотъ день спасенія язычниковъ не краткое время, но длительный періодъ, это, по изреченію Христа, *времена* языковъ, неопредѣленной продолжительности, соотвѣтственно чему *кероі*, множественное число отъ *керос* (время) въ подлинникѣ поставлено безъ члена, въ чемъ толкователи и видятъ указаніе на значительную продолжительность періода (ср. Савинскій С., Эсхатологическая бесѣда).

Вотъ истинное понятіе о временахъ языковъ. Извращенное понятіе объ этихъ временахъ дается у полковника ванъ-Бейнингена. Подъ временами языковъ онъ понимаетъ времена униженія Израиля политическаго, внѣшняго, и этому униженію онъ противопоставляетъ внѣшнее величіе, политическое возвышеніе языковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, заблу-

ждаясь относительно значенія IV главы книги пр. Даніила, онъ началомъ періода языковъ считаетъ не время разрушенія Іерусалима и не время начала проповѣди язычникамъ о Христѣ, какъ то слѣдуетъ прямо изъ надлежащаго пониманія словъ Господа о временахъ языковъ, но съ 747 года до Р. Хр. или точнѣе за начало этого періода онъ считаетъ значительный промежутокъ времени съ 747 г. по 587 г. до Р. Хр., когда, по его мнѣнію, нужно считать начало полного упадка политической силы израиля и соотвѣтствующее этому начало политическаго возвышенія языковъ въ предѣлахъ 4 міровыхъ царствъ, намѣченныхъ пр. Даніиломъ. IV глава кн. пр. Даніила это основа всѣхъ чтеній и писаній полковника ванъ-Бейнингена: съ указаніемъ произвольности и неправильности пониманія этой главы рушатся всѣ построенія полковника, всѣ его вычисленія, которыя представляются тогда плодомъ празднои фантазіи. Но одно чтеніе указанной IV главы пр. Даніила является, безъ всякихъ мудрствованій, и опроверженіемъ того превратнаго пониманія ея, какое свойственно полковнику. О чемъ же говорится въ IV главѣ пр. Даніила?

Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, уничтожившій еврейское царство, видѣлъ сонъ. Онъ видѣлъ дерево, высота котораго простиралась до небесъ, а величина—до концовъ земли; подъ нимъ рѣзвились звѣри земные, а въ вѣтвяхъ ютились птицы небесныя; плодами его питалася всякая плоть. Но вотъ сошелъ съ неба Ангелъ, именуемый бодрымъ и святымъ, и повелѣваетъ онъ уничтожить дерево, лишить его всякой красы и величія, лишъ корень, притомъ въ узахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ, съ нѣкоторымъ прозябаніемъ жизни оставить нетронутымъ, поставить удѣлъ его наравнѣ съ дикими звѣрями и питаніе его наравнѣ съ воломъ земнымъ; сердце его должно измѣниться и озвѣрѣть, и въ такомъ состоянн *семь временъ* должны смѣниться надъ нимъ. По просьбѣ царя Навуходоносора, самъ про-

рокъ Даніилъ—къ нашему удовольствію и къ посрамленію праздныхъ фантазій полковника—изъясняетъ этотъ сонъ Навуходоносора. Дерево, говоритъ, это ты—царь: величество твое достигаетъ небесъ и власть до концевъ земли; а повелѣніе бодрого и святого—на господина моего—царя: вотъ отлучать тебя отъ людей, съ дикими звѣрями будетъ житіе твое, травою, какъ вола, будутъ питать тебя, ороится росаю небесною тѣло твое, и *семь временъ* измѣнятся *надъ тобою*, пока не уразумѣешь, „что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ, и даетъ его, кому хочетъ“ (Дан. IV, 22). И когда познаешь власть небесную, царство твое тебѣ возвратится. Итакъ, вотъ совѣтъ мой тебѣ: грѣхи твои искупи милостынями и неправды твои—щедротами убогимъ. Черезъ годъ (въ текстѣ сказано—черезъ 12 мѣсяцевъ) исполнился вѣщій сонъ Навуходоносора сообразно толкованію его Даніиломъ. Когда, однажды, Навуходоносоръ, созерцая изъ палатъ красоты Вавилона, предавался горделивымъ думамъ и выразилъ оныя въ самонадѣянныхъ словахъ: вотъ великій Вавилонъ, строительными моими заботами превращенный какъ бы въ единыя царскіе чертоги, и это сдѣлалъ я въ державѣ силы моей и ради славы моей,—внезапно тогда раздается голосъ съ неба: „Тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ, царство отошло отъ тебя! И отлучать тебя отъ людей, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями; травою будутъ кормить тебя, какъ вола, и семь временъ пройдутъ надъ тобою, доколѣ познаешь, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ, и даетъ его, кому хочетъ“ (Дан. IV, 28—9). Тогда обезумѣлъ Навуходоносоръ и озвѣрѣлъ; травою, какъ волъ, сталъ питаться и время проводить по звѣриному, подъ открытымъ небомъ, подвергаясь дѣйствию росы и непогоды, причемъ волосы отросли у него, какъ у льва, и когти—какъ у птицы. Но вотъ исполнились семь временъ, очевидно, и это никѣмъ не отрицаемо,—*семь лѣтъ*. Наказа-

нію безумца пришелъ конецъ. О томъ онъ самъ, въ своемъ указѣ подданнымъ, по возвращеніи на царство, такъ говоритъ: По окончаніи же дней тѣхъ, я, Навуходоносоръ, возвелъ глаза мои къ небу, и разумъ мой возвратился ко мнѣ; и благословилъ я Всевышняго... и прославилъ, Приносящаго, Котораго владычество—владычество вѣчное и котораго царство въ роды и роды“; „всѣ живущіе на землѣ ничего не значать предъ Нимъ: по волѣ своей Онъ дѣйствуетъ въ небесномъ воинствѣ“, среди звѣздныхъ міровъ, среди ангельскихъ силъ, „такъ и у живущихъ на землѣ, и нѣтъ никого, кто могъ бы противиться рукъ Его и сказать Ему: что Ты сдѣлалъ“... Нынѣ я, Навуходоносоръ, какъ возстановленный въ царственномъ величій своемъ, „превозношу и величаю Царя Небеснаго, Котораго всѣ дѣла истинны и пути—праведны и Который силенъ смиритъ ходящихъ гордо“ (Дан. IV, 30—34).

Изъ предложеннаго библейскаго разсказа видно, что рѣчь идетъ здѣсь о личной судьбѣ Навуходоносора, что наказаніе, выпавшее на долю Навуходоносора, продолжалось 7 лѣтъ (это признаетъ и ванъ-Бейнингенъ), что для всѣхъ другихъ людей этотъ разсказъ имѣетъ нравственный смыслъ назиданія, что „Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочетъ; по волѣ Своей Онъ дѣйствуетъ какъ въ небесномъ воинствѣ, такъ и у живущихъ на землѣ и нѣсть никого, кто могъ бы противиться рукъ Его; что всѣ живущіе—предъ Нимъ ничего не значать; что всѣхъ ходящихъ гордо Онъ можетъ смиритъ. Въ текстѣ Библии даны такимъ образомъ два смысла разсказа сего: буквальный и нравственный, и нѣтъ никакого намека на какой-либо таинственный, или прообразовательный смыслъ; если говорить о символическомъ смыслѣ, то онъ долженъ быть признанъ тождественнымъ съ нравственнымъ смысломъ разсказа; таинственнаго же смысла рѣшительно нельзя допустить никакого. Не то думаетъ ванъ-Бейнин-

генъ, но думаетъ рѣшительно плохо, вопреки всяческимъ законамъ логики. Вотъ какъ онъ пишетъ въ своей книгѣ: „Бодрствуйте! Се гряду скоро“: „Навуходоносоръ послушалъ Даніила, покаялся и наказаніе его прощается: чрезъ семь временъ (7 лѣтъ) онъ опять возвратился къ славѣ, принялъ свой прежній видъ, былъ возстановленъ на царство, и величіе его еще болѣе возвысилось. *Не такъ было съ избраннымъ народомъ*: этотъ и прежде и теперь не слушалъ своихъ пророковъ, а потому Господь Богъ и посылаетъ ему наказанія одно за другимъ. . . ,—страданія безпримѣрно тяжкія, но въ то же время и справедливыя, которыя *народъ израильскій долженъ переносить въ теченіи семи временъ*. Въ жизни народовъ, какъ мы знаемъ изъ пророческой азбуки (которую в. Бейнингенъ составляетъ самъ, руководствуясь какъ библейскимъ текстомъ, такъ и свойственною ему *логию*), семь временъ равняются $7 \times 360 = 2520$ годамъ“. Мы видимъ изъ приведенныхъ словъ полковника, что онъ пользуется здѣсь нравственнымъ смысломъ пророчества въ приложеніи къ еврейскому народу, но этотъ нравственный смыслъ онъ хочетъ превратить въ таинственный, и путь его мышленія можетъ быть опредѣленъ такъ: судьба народа еврейскаго имѣетъ сходство съ судьбою Навуходоносора въ томъ смыслѣ, что и Навуходоносоръ былъ наказанъ Богомъ, и народъ Еврейскій наказуется Богомъ; но Навуходоносоръ страдалъ семь временъ, слѣдовательно, и народъ еврейскій долженъ страдать тоже 7 временъ; однако въ приложеніи къ Навуходоносору 7 временъ означаютъ 7 лѣтъ, а въ приложеніи къ народу еврейскому 7 временъ означаютъ періодъ времени, болѣе въ 360 разъ, считая день за годъ. Нѣкоторые такой способъ мышленія полковника насмѣшливо называютъ пророческимъ прозрѣніемъ, не нуждающимся въ доказательствахъ, соотвѣтственно притязаніямъ полковника на даръ пророчества или пророческаго истолкованія Библии; но изъ приведеннаго

выясненія способа мышленія полковника простые люди могутъ здоровымъ, непосредственнымъ смысломъ усмотрѣть нелѣпость такого мышленія, а знакомые съ законами логики могутъ сказать, что онъ никогда не видалъ учебника логики, не имѣетъ понятія о силлогизмѣ и софизмахъ, неправильныхъ умозаключеніяхъ. Вотъ еще образчикъ такого мышленія, превращающаго нравственное истолкованіе въ таинственное: „Въ 31 стихѣ (IV гл. Дан.) мы читаемъ: „По окончаніи же дней тѣхъ я, Навуходносоръ, возвелъ глаза мои къ небу и разумъ мой ко мнѣ возвратился, и благословилъ я Всевышняго, восхвалилъ и прославилъ Присносущаго, Котораго владычество вѣчное и Котораго царство въ роды и роды“. Такъ говорилъ языческій царь за 600 лѣтъ до Р. Хр., а что мы видимъ теперь среди цивилизованныхъ европейцевъ, называющихся „христіанами“? Чѣмъ выше ихъ, такъ сказать, матеріальная культура, тѣмъ обыкновенно ниже ихъ вѣра въ Господа Бога, Спасителя и вѣрныхъ рабовъ Его — пророковъ. И это не смотря на то, что Господь послалъ Сына Своего для спасенія нашего. Правда, часть человѣчества приняла Его, было даже время, когда изъ любви къ Нему шли на мученическую смерть; но время это миновало: чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе народы уклоняются отъ истиннаго пути“. Все это скажемъ — весьма почтенныя мысли, дѣлающія честь и полковнику и каждому, раздѣляющему ихъ. Но сейчасъ же за этимъ опять, безъ всякихъ основаній, переходъ къ таинственному смыслу, опять грубый логическій скачекъ: „Семь временъ отъ событій, описанныхъ въ этой главѣ, кончаются, говоритъ онъ. Не пора ли и намъ воспользоваться совѣтомъ пророка Данила Навуходносору? Мы знаемъ, что Господь Богъ справедливъ, и что безграничная любовь Его къ Своему созданію простирается до того, что Онъ, пославъ Своего Сына для искупленія грѣховъ, пошлетъ Его вторично воспитать (?) насъ такими, какимъ былъ

человѣкъ до грѣхопаденія. Но для того, чтобы принять Его, необходимо покаяться... Итакъ, цѣль этого пророчества указать намъ, съ какого времени слѣдуетъ считать время язычниковъ, которое должно длиться столько же, сколько и время, предназначенное въ наказаніе евреямъ, т. е. семь временъ. „Мы видимъ ясно, въ данномъ случаѣ полковникъ играетъ словомъ „пророчество“: рассказъ Навуходноносора есть пророчество лишь потому, что находится въ пророческой книгѣ, написанъ пророкомъ; но это не болѣе какъ рассказъ, который имѣетъ извѣстный и нравственный смыслъ, но это вовсе не пророчество въ смыслѣ предсказанія о будущихъ временахъ: о такомъ смыслѣ рассказа книга пр. Даниила не дѣлаетъ и намека; полковникъ же, понимая рассказъ о прошедшемъ, какъ пророчество о будущемъ, старается лишь морочить и гипнотизировать своихъ слушателей силою авторитета Божественнаго слова. Ясное дѣло, полковникъ извращаетъ смыслъ Писанія, прилагая къ нравственному и таинственному смыслъ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Полковникъ, при изъясненіи пророчествъ, любитъ къ другимъ примѣнять угрозу, находящуюся въ концѣ Апокалипсиса Св. Іоанна Богослова: „кто приложитъ къ сему, наложитъ на него Богъ язвы, написанныя въ книгѣ сей“. Но самъ, внося въ Писаніе смыслъ такой, какого тамъ нѣтъ, внося въ пониманіе Писанія нѣчто, существенно чуждое Писанію, не подлежитъ ли тому же Божію суду: да судитъ же ему Богъ за обольщеніе малыхъ сихъ чрезъ извращенное толкованіе Писаній... Мы уже знаемъ, съ какого времени нужно считать періодъ языковъ, времена языковъ, въ теченіи которыхъ будетъ попираемъ Іерусалимъ:—со времени начала проповѣди Евангелія язычникамъ и особенно со времени разрушенія Іерусалима Титомъ. Полковникъ произвольно, въ силу превратнаго пониманія Писанія, считаетъ начало временъ языковъ и униженія Израиля съ 747 года. Но мы теперь знаемъ цѣну

его утверждениамъ, ничѣмъ не обоснованнымъ. Знаемъ также, что пониманіе IV главы кн. пр. Даніила во всей его системѣ имѣетъ неизмѣримое, единственное въ своемъ родѣ значеніе. Съ указаніемъ нелѣпости пониманія IV главы, оказывается нелѣпымъ построение его таинственнаго четырехугольника съ симметрично подобранными цифрами, каковой четырехугольникъ представляетъ схему всѣхъ его изъясненій историческихъ событій при свѣтѣ ложно понятыхъ пророчествъ. Если его семь временъ измышленіе его фантазіи, не имѣющей почвы въ дѣйствительныхъ пророчествахъ, то и всѣ частныя цифры—годы событій въ предѣлахъ этихъ семи временъ—лишь праздная забава и вредная для умовъ смута. Взгляните на этотъ четырехугольникъ ванъ-Бейнингена еще разъ, теперь, когда мы разсмотрѣли нѣчто изъ толкованій полковника въ области Апокалипсиса, когда можемъ постановить въ предѣлахъ этого четырехугольника больше цифръ, чѣмъ раньше, не рискуя вызвать недоумѣніе:

2520 лѣтъ

747	1773
727	1793
722	1798
713—8	1807-12
676	1844
605	1915
597	1923
587	1933

2520 лѣтъ

Главное изъ начертанныхъ здѣсь цифръ—это цифра 2520 лѣтъ, какъ выраженіе понятія семи временъ, опирающееся на истолкованіи IV главы пр. Даніила; цифра 2520 управляетъ всѣми другими цифрами четырехугольника въ томъ смыслѣ, что если 747 вычтемъ изъ 2520, то получимъ 1773; если вычтемъ 727 изъ той же цифры, получимъ 1793

и т. д. Но такъ какъ толкованіе IV главы пр. Даниила ни на чемъ не основано и невообразимо — произвольно, то мы могли бы поставить теперь же крестъ на всемъ этомъ четырехугольникѣ, какъ выражающемъ лишь вѣру въ таинственное значеніе симметріи, стройности въ отношеніяхъ между числами; однако, въ видахъ ознакомленія съ приемами изслѣдованій г. ванъ-Бейнингена, сдѣлаемъ дальнѣйшія поясненія къ стоящимъ цифрамъ. Цифры, стоящія на лѣвой сторонѣ четырехугольника, суть нѣкоторыя изъ цифръ, обозначающихъ годы событій времени постепеннаго политическаго упадка еврейскаго народа, падающаго въ своемъ значеніи, чтобы дать мѣсто господству языковъ, народовъ, не принадлежащихъ къ избранному племени (и притомъ въ предѣлахъ указанныхъ Данииломъ четырехъ монархій). Такимъ образомъ и здѣсь въ основѣ подбора цифръ лежитъ мысль, выясненная уже нами, объ извѣстной продолжительности періода языковъ (временъ языковъ), каковая продолжительность, въ своемъ началѣ, ванъ-Бейнингеномъ опредѣляется неправильно и произвольно: Господь I. Христосъ говоритъ, какъ мы выяснили раньше, о началѣ распространенія Евангелія среди всѣхъ народовъ, въ связи съ разрушеніемъ Иерусалима Титомъ, какъ о началѣ временъ языковъ; полковникъ начало этой эпохи видитъ въ длительномъ періодѣ времени, начиная съ 747 и кончая 587 годомъ до Р. Хр., въ частности: 747 годъ это одинъ изъ годовъ продолжительной войны между Ахазомъ, царемъ іудейскимъ, и Факеемъ-Израильскимъ, въ каковую войну вмѣшались также Сирійскій царь Рецинъ и Ассирійскій царь Оеглаѳелассаръ; но если это лишь одинъ изъ годовъ войны, то почему же взять именно 747 годъ? а потому, что полковнику важно отмѣтить соотвѣтствіе между униженіемъ и ослабленіемъ народа избраннаго и возвышеніемъ Вавилонскаго царства, перваго въ ряду четырехъ монархій Даниила; въ 747 же году взошелъ на престолъ Набонассаръ,

царь Вавилонскій, содѣйствовавшій возвышенію этого Вавилонскаго царства; правда, самъ же ванъ-Бейнингенъ (въ объясненіи на 39 гл. пр. Іезекіиля) говоритъ, что согласно „ученымъ историкамъ, составителямъ энциклопедическаго словаря Брокгауза (дальше энциклопед. словаря полковникъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ, повидимому, не идетъ), воцареніе въ 747 году Набонассара не составляетъ важной эпохи времени, на томъ основаніи, что Вавилонъ послѣ этого еще дважды принадлежалъ къ Ассиріи“, но полковникъ готовъ презрѣть и авторитетъ энциклопедическаго словаря, чтобы доказать важность вступленія на престолъ Набонассара, Вы думаете: фактами онъ это докажетъ, нѣтъ, только новымъ подборомъ симметрическихъ цифръ, причемъ симметрія опять основывается на немьслимомъ для насъ произволѣ въ толкованіи, остановиться на чемъ мы боимся, чтобы не потерять нить разсужденія, слѣдуя за безконечною игрою цѣпи произвольныхъ толкованій полковника. Посему, возвращаясь къ 747 году, видимъ, что взять годъ, коего значеніе сомнительно какъ въ жизни еврейскаго народа (п. ч. война Ахаза обнимаетъ рядъ лѣтъ), такъ и въ жизни Вавилонскаго царства, п. ч. царствованіе Набонассара не принесло державной мощи Вавилонскому царству; важенъ же полковнику 747 годъ, потому что въ установкѣ цифръ четырехугольника можно получить нѣкоторую любезную симметрію и стройность.

Преподав. сем. Н. Далаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Епархіальная хроника.

Первый день Св. Пасхи; пасхальныя привѣтствія.

Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія—праздниковъ праздникъ, доставляющій великую духовную радость всѣмъ готовящимся къ празднованію его.

Самое главное и существенное въ духовной радости сего праздника—это, именно, сознание, что всѣ мы во Христѣ воскресли изъ мертвыхъ, другъ для друга нужны и другъ безъ друга жить не можемъ, и проистекающая изъ этого сознанія та необыкновенная общительность или взаимность въ переживаніи праздничныхъ настроеній, которая такъ характерно отличаетъ этотъ праздникъ отъ всѣхъ другихъ. И если въ этотъ великій праздникъ чувствуется особенная потребность праздничнаго общенія со всѣми — и знакомыми и незнакомыми, то тѣмъ болѣе она сильна, естественно, по отношенію къ близкимъ намъ людямъ и дорогимъ; и потому какъ дорого и въ высокой степени отраднo для рижско-градскихъ пастырей то пасхальное взаимное привѣтствіе съ своимъ Архипастыремъ и другъ съ другомъ, какое обыкновенно бываетъ въ 1 день Св. Пасхи. Не лишены были нынѣ этой радости въ свѣтлый праздникъ рижско — градскіе пастыри.

Къ 11 час. дня въ покояхъ Владыки собрались о.о. члены Консistorіи вмѣстѣ съ секретаремъ и другими служащими лицами, ректоръ Семинаріи, о. смотритель училища, и все рижско-градское духовенство во главѣ съ соборнымъ, нѣкоторые иногородніе о.о. и свѣтскія лица.

Послѣ краткаго пасхальнаго молебствія отъ лица всѣхъ присутствующихъ привѣтствовалъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшаго Агаѳангела настоятель каѳедральнаго собора, Протоіерей В. И. Плиссъ.

Въ отвѣтъ на пасхальное привѣтствіе, выразившее благожеланія, радость и духовный подъемъ всѣхъ сотрудниковъ Архипастыря въ пастырскомъ дѣланіи, направляемомъ къ обновленію жизни, Его Высокопреосвященство, съ своей стороны выражая благодарную радость по поводу сего привѣтствія и пожеланіе скорѣйшаго обновленія жизни, указалъ пастырямъ и всѣмъ присутствующимъ на тѣсную неразрывную связь и зависимость обновленія жизни гражданской и общественной отъ личнаго нравственнаго обно-

вленія. Указавъ на нравственную необходимость прежде всего въ самихъ себѣ, въ своей душѣ воскресить Христа, Владыка призывалъ всѣхъ сопастырей къ этому личному воскрешенію, чтобы каждый могъ явиться способнымъ и мощнымъ въ дѣлѣ общаго обновленія нашей жизни.

Выразивъ молитвенное благожеланіе успѣха въ семь святомъ дѣлѣ, Владыка, послѣ общаго благословенія, христосовался съ каждымъ посѣтителемъ въ отдѣльности и дѣлился праздничными впечатлѣніями.

Гоголевскій литературный вечеръ въ Иллукстскомъ жен. дух. училищѣ въ память Н. В. Гоголя состоялся 3 апрѣля.

Въ началѣ вечера были исполнены гимнъ „Боже Царя храни“ и юбилейная кантата.

Затѣмъ, препод. литературы, свящ. о. Г. Залазинскимъ была сказана юбилейная рѣчь „о воспитательномъ значеніи произведеній Гоголя“; воспитанницами старшихъ классовъ было прочитано нѣсколько юбилейныхъ стихотвореній, въ честь поэта, и разыграно нѣсколько сценъ изъ комедіи „Ревизоръ“. Также преподавателями—инспекторомъ классовъ, свящ. о. В. Марковымъ, А. Бекаревичемъ и М. Овчинниковой были прочитаны отрывки изъ повѣстей.

Вечеръ закончился пѣніемъ юбилейнаго гимна.

С о д е р ж а н і е № 8.

Отдѣлъ официальный. — Распоряженіе Епархіальн. Начальства. — Епархіальныя извѣстія. — Отъ Совѣта Рижскаго Религіозно-просвѣтительнаго Общества. — Пожертвованіе въ Кангроскую церковь отъ почетнаго гражданина Андрея Андреевича Шувалова. — Архіерейскія служенія. — Отъ Правленія Рижскаго Духовнаго Училища

Отдѣлъ неофициальный. — Рѣчь о Н. В. Гоголѣ, сказанная предъ панихидой въ 100 лѣтіе со дня рожденія. — О чемъ писалъ и чему училъ Гоголь. Его взгляды и идеалы. Преподав. И. П. Малышкина. — Современная интеллигенція и Христіанство православное — Пророчество и исторія въ освѣщеніи полковн. Ф. К. ванъ-Бейнингена. Препод. д. сем. Н. К. Дагаева. Епархіальная хроника.

И. д. Редактора, преподав. дух. сем. свящ. **Іоаннъ Шукинъ.**

Печ. дозв. 15 Апрѣля 1909 г. — Цензоръ, Каедр. Прот. **Владиміръ Плисъ.**
Типографія Г. Гемпель и Ко. Рига, Крѣпостная ул. № 7.